

ЛЮБОВЬ

I. Любовь у животных

У животных, стоящих на низших ступенях развития, у которых самка физически сильнее своего самца, любви, собственно, не существует. Самка прогоняет самца немедленно после своего оплодотворения, и здесь мы видим половой инстинкт всецело подчиненным материнству. Самки-пауки пожирают часто после совокупления своих самцов, если последние не успевают тотчас же убежать от них. Бесполое особи у муравьев и пчел исполняют роль матерей, не зная совершенно половых отправлений, а пчелы-самки ежегодно истребляют своих трутней.

Чувство любви начинает примешиваться у самки к материнскому только тогда, когда самец, будучи физически сильнее ее, подчиняет ее своему господству и начинает требовать от нее удовлетворения своей более пылкой чувственности. Если не считать насекомых (*Ublencus cicatricosus*), то о любви можно в собственном смысле говорить только у птиц, так как они являются в зоологической лестнице первыми, у которых наблюдается более или менее продолжительная жизнь парами. Но и здесь самец является более активным членом таких пар.

«В противоположность другим животным, — говорит Брем¹, — большинство самцов-птиц проводит всю свою жизнь с одной самкой; полигамия и многократное парование, как это наблюдается у млекопитающих, у них встречается редко. Два супруга, вступив раз в союз, под-

¹ Альфред Эдмунд Брем (1829 года—1884) — немецкий учёный-зоолог и путешественник, автор знаменитой научно-популярной работы «Brehms Tierleben» (русс. «Жизнь животных»).

держивают таковой в течение всей своей жизни, — и это исключительный случай, чтобы один из них нарушил его. Но так как у птиц число самцов превышает число самок, то и здесь имеются свои „холостяки“ и „вдовцы“, которые стараются овладеть чужими самками. Поэтому в период парования между самцами происходят часто отчаянные схватки, в которых одни из них защищают неприкосновенность своего супружеского ложа от других, пытающихся его осквернить.

Ревность, и порою самая сильная, также не редкость среди птиц. Часто можно видеть, что самки вместе со своим самцом сообща прогоняют слишком дерзко добивающегося взаимности любовника, но нередко бывает и так, что самка благосклонно относится к последнему, предпочитая его своему, так сказать, законному супругу. Наблюдали самок, которые, спустя полчаса после того как их самец был убит, отдавались другим.

Самцы, очевидно, более страдают, теряя своих самок, что, быть может, зависит от того, что «им труднее найти новых» (Брем. Жизнь животных, т. III, с. 25).

В общем самец во время парования всегда кажется более страстным и влюбленным в свою самку, последняя же держится довольно пассивно, занятая виением гнезда.

Певучий попугай-самец занят, кажется, исключительно своей самкой, когда она сидит на яйцах, и совершенно игнорирует всех других самок. Когда он не отправляется за кормом, то садится на край гнезда и поет своей подружке свои лучшие песни (Брем. Ор. cit., с. 102).

Самец-клевт всячески ухаживает за своей клестовкой, когда она занята высиживанием яиц, точно он хочет этим вознаградить ее за тот труд, которого не может с ней разделить (Брем. Ор. cit., с. 115).

У коноплянок и зябликов ревность наблюдается только у самцов и никогда у самок (Брем. Ор. cit., с. 103).

Среди хищных птиц благородный сокол-самец и кобчик кормят свою самку, когда она сидит на яйцах, и развлекают ее разнообразными воздушными эволюциями, за которыми она следит взором. Совы-самцы, по-видимому,

очень влюблены и привязаны к своим самкам, которые являются страстными матерями (Брем. Ор. cit., с. 38).

Самец-козодой всегда очень нежен со своей самкой (Брем. Ор. cit., с. 216).

Самец королевской птицы, в то время когда самка сидит на яйцах, всегда вертится около нее, перепархивает с одного места на другое, поет или машет крыльями (Брем. Ор. cit., с. 751, 824, 840).

Об ибисе Брем говорит следующее: «Супруги, особенно самец, отличаются большою верностью друг другу. Последний никогда не оставляет самку без того, чтобы ее не приласкать перед своим отпращиванием и не спеть ей несколько песен своих. Он очень ревнив» (Брем. Ор. cit., т. IV, с.15).

Но в общем, повторяем, любовный инстинкт у самца развит сильнее, чем у самки, которая более, нежели он, располагает выбором (Дарвин. Происхождение видов, с. 386).

Самка-дятел во время парования перелетает с места на место, окруженная целой стаей поклонников, которые наперебой забавляют ее самыми разнообразными играми в воздухе для того, чтобы понравиться ей. Немало проходит времени, пока она изберет себе из этой стаи одного. Одна дикая утка была приручена и вскормлена дома. В продолжение двух лет подряд она жила с одним и тем же самцом, но немедленно прогнала его от себя, как только в птичник был впущен другой самец (Дарвин. Происхождение видов).

Буатар и Карбье сообщают из жизни голубей следующее: «Когда какой-нибудь голубь антипатичен голубке, то что бы ни делали с ней для того, чтобы расположить ее к нему, ничто не помогает. Ей дают возбуждающий половой инстинкт корм, оставляют ее в одной клетке с этим самцом в продолжение шести месяцев, даже года, но она упорно продолжает отказывать ему в своих ласках. Ни его жесты, ни его заигрывания, ни, наконец, его нежное воркованье не могут ее тронуть и смягчить. Она мрачно и неподвижно сидит все время в одном из углов своей темницы, изредка только оставляя его для еды и питья, а также

для того, чтобы с особенной яростью защищаться против любовных поползновений самца» (Дарвин. *Op. cit.*, с. 384).

Трудно сказать, что, собственно, руководит самкой при выборе ею самца: в некоторых случаях она, очевидно, предпочитает более сильного, хоть и старого самца, более молодому, как это наблюдается, например, у глухарей.

Точно так же мы находим и у птиц, несмотря на явное господство у них самца над самкой, тот же антагонизм между половым и материнским инстинктами, который у низших представителей животного царства всецело сводится к преобладанию последнего.

Брем рассказывает, что один самец из породы *Amadina* был очень требователен по отношению к своей самке, которую он заставлял уже начать вить новое гнездо, в то время как нововыведенные птенцы не имели еще и десяти дней от роду; самка же упорно топырилась и, видимо, не соглашалась (Брем. *Op. cit.*, с. 226).

Часто приходится наблюдать, что кенарь (самец) разбивает носиком собственные яйца, так как канарейка, всецело поглощенная высиживанием их, совершенно не отвечает на его любовные ласки.

Причина этого заключается в том, что у самцов половое влечение более интенсивно и они сильнее привязаны к своим самкам, нежели последние к ним. У самок же оно сказывается не так резко, так как у них слабее выражен половой инстинкт и материнство, кроме того, является могучим отвлечением для их эротических побуждений.

Полигамия у птиц. У некоторых более или менее редких пород птиц, как, например, у павлина, фазана, глухаря и у многих куриных пород (Дарвин. *Op. cit.*, с.195), существует полигамия, но в таком случае роль обоих полов в выборе уже меняется. Так, павлины-самки, равно как и дикие индюшки, особенно очень старые, делают всегда сами первые шаги к выбору себе самцов. Самцы-глухари стоят совершенно спокойно и стараются обратить на себя внимание прыгающих вокруг них самок тем, что оттопыривают свои перья.

Двух самок из породы *Lophophorus*, которых Бартлетт¹ считает полигамами, нельзя поместить в одну клетку с самцом, ибо они начинают тотчас же драться из-за него (Дарвин). Исключением являются снегيري, у которых существует моногамия, но и у них самка выбирает самца, а не наоборот.

По мере того как самец окружает себя все большим и большим числом самок и как он в состоянии все шире и шире удовлетворять свой половой инстинкт, самки начинают все более и более терять для него свою цену. Между ними начинается тогда непрерывная борьба из-за обладания им, причем каждая из них старается понравиться ему более остальных.

Млекопитающие. Половая жизнь млекопитающих далеко не так разнообразна, как птиц. Союзы их, большей частью полигамического характера, редко продолжают долго. Обыкновенно они длятся до тех пор, пока у самки существует еще течка или пока на свет явится молодое потомство. Трудно сказать, в ком — в самце или самке — более интенсивно эротическое чувство.

Особенно сильно развита половая любовь у тех пород, которые живут более или менее долгое время вместе. Брем рассказывает про африканских дикобразов, что они очень нежные супруги и днем сидят в своей норе неподвижно, тесно прижавшись один к другому, ночью же выходят из нее, ласкают и лижут друг друга, даже между иглами, которые каждый из них поочередно поднимает так, чтобы другой мог просунуть между ними свой язык. Когда же один из них отказывается от подобных ласк, то другой приходит в ярость. Однажды из-за этого один самец был насмерть укушен в голову своей самкой (Дарвин, с. 242).

Морские свинки — самец и самка, — по-видимому, так же очень любят друг друга. Они постоянно лижут и ласкают одна другую лапами. Если одна из них спит, то

¹ Сэр Фредерик Чарлз Бартлетт (1886—1969) — британский психолог, первый профессор экспериментальной психологии в университете Кембриджа, один из основателей современной когнитивной психологии.

другая сторожит ее и будит ее языком и лапками, если сон длится чересчур долго (Брем, II, с. 252).

Кролики живут парами в течение долгого времени, не оставляют обыкновенно ни на одну минуту один другого, и самцы очень заботливо ухаживают за своими самками. В свою очередь и последние также очень нежны с ними, будучи даже поглощены заботами о детенышах, они время от времени оставляют последних на короткое время, чтобы обменяться ласками со своими самцами (Брем, II).

И у млекопитающих бывают примеры, когда выбор делается самкой. Так, свинья часто отгоняет от себя упорно одного кабана и отдается немедленно же другому. Суки часто грызут всех бегающих за ними кобелей и случаются только с одним из них. В своем выборе они, по-видимому, руководствуются величиной, цветом шерсти, индивидуальным характером самцов и особенно — что еще важнее — степенью дружбы, в которой они до этого с ним находились. Самка северного оленя отдает всегда предпочтение самому сильному самцу (Дарвин).

Бликирион утверждает, что он никогда не видел кобылу, которая не отдалась бы любому жеребцу; между тем такие случаи имели место в главной конюшне Райта. Хантер описывает ту хитрость, какую пришлось употребить, чтобы случить самку зебры с ослом; для этого последнего выкрасили в белые поперечные полосы на манер того, как выглядит зебра. Зебра-самец не так разборчив, и с ним нет надобности принимать таких предосторожностей. Для зебры-самки высшая красота ее самца заключается, очевидно, в полосатости его (Рише¹. De l'amur).

Однако у млекопитающих выбор иногда принадлежит и самцу. Так, заводские жеребцы часто не хотят случаться с одной какой-нибудь кобылой, без всякой, по-видимому,

¹ Шарль Робер Рише (1850—1935) — французский физиолог, пионер во многих областях исследований, таких как нейрохимия, пищеварение, терморегуляция у гомойотермных животных и дыхание. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине в 1913 году.

причины, и охотно это делают с другой (Дарвин. О происхождении человека, с.487).

Но это есть, как и у птиц, следствие полигамии, которая чрезвычайно сильно распространена среди млекопитающих. У некоторых видов она постоянна, как, например, у лошадей, горилл, павианов, у других же, например у льва, дикого кабана, она — явление временное. Полигамия обычно встречается у большинства обезьян, например, у павианов и ревунов, затем почти у всех животных и особенно у азиатских диких кабанов, индийских слонов, многих пород тюленей и у обыкновенных мышей. У всех же плотоядных, кроме льва, имеющего иногда по две, три и до пяти самок зараз, наблюдается обыкновенно моногамия (Дарвин. О происхождении человека, с. 193).

Вместе с полигамией начинается подчиненность самки самцу. Самки некоторых мозолоногих (ламы, гуанако) отличаются большой преданностью своему самцу. Если она видит его раненым, то спешит к нему на помощь, не обращая никакого внимания на выстрелы охотников. Наоборот, если подобная печальная участь постигает одну из самок, то самец преспокойно убегает с прочими самками, совершенно не заботясь о раненой.

Брем рассказывает об одной полигамической семье горилл, состоявшей из нескольких самок под предводительством одного самца. Самки были, по-видимому, очень привязаны к своему очень ревнивому самцу, потому что всячески старались возбудить к себе его внимание, то ласкаясь к нему, то глядя его по ногам, что доставляет, как известно, обезьянам величайшее удовольствие.

II. Любовь у человека

У женщины мы наблюдаем в общем то же самое, что мы видели в зачаточной форме в царстве животных.

Уже при изучении чувствительности у обоих полов мы убедились, что она во всех своих видах у женщины слабее развита, чем у мужчины. То же самое мы можем, в част-

ности, сказать про половую чувствительность, благодаря чему женщине свойственно и менее интенсивное половое влечение. Подобный взгляд Серджи подтверждается, между прочим, чрезвычайно удачным выражением Теннисона, что «страсть мужчины относится к страсти женщины, как солнечный свет к лунному сиянию».

Одно католическое духовное лицо передавало Александру Дюма-сыну, что из ста молодых женщин восемьдесят признавались ему на исповеди, спустя месяц после выхода замуж, что они очень разочарованы браком.

Многие женщины, очень рано вступившие на путь проституции, признавались потом, что они пали не из-за склонности к разврату, а исключительно от нечего делать или из желания понравиться мужчине, которого они предпочитали другим.

Встречаются замужние женщины, оставшиеся тем не менее девственными.

Одна дама, переписывавшаяся с очень многими молодыми девушками, рассказывала Симмелю, что все те из них, которые имели в своей жизни какой-нибудь несчастный любовный роман, второй раз его уже не повторяли. Отсюда видно, что любовное влечение не есть для женщины настолько непреодолимое чувство, которого она не могла бы побороть в себе.

По этому поводу Поль де Кок¹ пишет: «Любовь женщины пропорционально увеличивается с жертвой, которую она приносит своему любовнику: чем более она ему уступает, тем сильнее она к нему привязывается. Что касается мужчины, то его, напротив, страсть утомляет, а частое удовлетворение ее даже надоедает ему; одним словом: неудовлетворенное желание возбуждает его, удовлетворенное охлаждает, а полное пресыщение даже разрушает те узы, которые налагает любовь».

¹ Шарль Поль де Кок (1793—1871) — чрезвычайно плодовитый французский писатель XIX века, чье имя долгое время служило нарицательным обозначением фривольного автора. Отец романиста и драматурга Анри де Кока.

Факт этот находится, по-видимому, в явном противоречии, с одной стороны, с тем, что у женщины первичные и вторичные половые органы (матка, влагалище, яичники, грудные железы) и многочисленнее и сложнее, чем у мужчины, а с другой — с той распространенной азбучной истиной, будто в жизни женщины любовь играет более главную роль, чем в жизни мужчины. «Любовь, — пишет г-жа де Сталь¹, — для мужчины — один только эпизод, а для женщины — все». Действительно, каждому известно, что важнейший жизненный вопрос всякой молодой девушки всегда сводится к жениху и выходу замуж. Эти два противоречия примиряются, если мы вспомним, что у женщины потребность в сохранении потомства, в материнстве преобладает над ее индивидуальным желанием. Именно эта потребность и влечет женщину к мужчине. Любовный инстинкт ее всецело подчинен материнству. Мы уже раньше сказали, что женские половые органы более сложны и многочисленны, чем мужские, но они служат не только для половых отправлений, но и целям материнства, именно для питания и выращивания новорожденного.

Так, например, грудные железы являются органами, возбуждающими половую страсть только у цивилизованного человека, а у дикаря они никогда такого назначения не имеют. Высказанная только что мысль находит свое оправдание уже в том, что те половые органы, которые мы вообще считаем вторичными по самому происхождению своему, суть собственно настоящие органы материнства. Сюда относится кроме грудных желез, задняя подушка у готтентоток, функция которой чисто материнская, хотя она нам кажется вторичным половым органом, так как дикари всегда предпочитают тех женщин, у которых орган этот более развит.

¹ Баронесса Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766—1817) — французская писательница, теоретик литературы, публицист, имевшая большое влияние на литературные вкусы Европы начала XIX века.

Грудные железы имеют, стало быть, в глазах дикарей так мало значения как орган эротический и, наоборот, так исключительно ограничены своей ролью в деле материнства. При этом не следует упускать из виду продолжительность периода кормления грудью младенцев, которая длится: у русских и персов до 2 лет у австралийцев, тодов, китайцев и японцев 2-3 у гренландцев, монголов, кабилов 3-4, у самоедов 5-6, у новокаледонцев 4-5, у эскимосов 5-6, у жителей Каролинских островов 9-10, у племен, населяющих землю короля Вильгельма 14-15.

Беккари (Путешествие его, 1880 г.) видел младенцев, которые вынимали изо рта трубку для того, чтобы пососать материнскую грудь.

Итак, нельзя признать эротическое значение за органом, который в течение столь долгого времени служит для вскармливания потомства, совершенно при этом деформируясь.

Но это еще не все. Подобно грудным железам и губы, служащие для выражения самых нежных оттенков нашей любви, были вначале также вторичным органом материнства, позднее изменившимся в эротический.

Поцелуй по своему происхождению не атавистичен и не врожден у ребенка, потому что он научается ему только со временем, он. — повторение сосательного акта, как думает Дарвин.

Почти у всех диких народов, даже у полудивилизованных, как японцы, поцелуй как символ любви совершенно неизвестен. То же следует сказать про новозеландцев, сомали, эскимосов и др. Левин¹ сообщает, что у племен, живущих на высотах Читаганг, не существует выражения «поцелуйте меня», а вместо этого они говорят «понюхайте меня».

Очень может быть, что поцелуй постепенно развился из существовавшего в глубокой древности обычая кормить своих детей таким же образом, как это делают птицы. Многие матери в Европе таким образом и теперь еще кормят своих детей. Кроме того, известно, что так обык-

¹ Людвиг Левин Якобсон (1783—1843) — датский анатом и физиолог.

новенно поступают женщины из племени фегениев, желая дать напиток своим грудным младенцам.

У этого народа нет никаких сосудов для жидкостей и питья. Взрослые утоляют свою жажду прямо из рек при помощи небольших камышовых трубочек, через которые втягивают в рот воду. Мать поит ребенка, набирая воды, сперва себе в рот и затем понемногу вливая ее прямо в рот дитяти (*Revue scientifique*, декабрь 1892).

Очень возможно, что из этого приема, который впервые наблюдался у «птиц, а затем перешел к нашим прародителям, и выработался первый поцелуй, бывший вначале, несомненно, больше материнским, чем любовным.

В этом, по-нашему, заключается новое доказательство того, что в природе материнский инстинкт всегда торжествует над половым.

В подтверждение высказанного нами мы можем сослаться также на Гомера и Гесиода, в поэмах которых одно и то же выражение для обозначения губ, женской груди и поцелуя употребляется при описании материнской, но никак не эротической любви.

У греков, в более позднее время, для понятия «поцеловать» встречаются термины, обозначающие выражение любви (страсти) при помощи губ (рта).

У Гомера понятие о страстном отцовском поцелуе включает просьбу и мольбу. Но Гектор в сцене прощания с Андромахой не целует ее, а только ласкает рукой. Точно так же о поцелуе нигде не упоминается при описании сцен между Венерой и Марсом, Одиссеем и Калипсо, Одиссеем и Цирцеей, Парисом и Еленой («Илиада», п. III), ни, наконец, при воспевании любовной истории Геры и Зевса в XIV песне Илиады.

Во всей «Илиаде» нет ни одного эпитета при описании губ и груди Елены, Андромахи, Бризеиды, Калипсо или Цирцеи. Упоминается только раз («Илиада», VI, 483) напитанная благоуханиями грудь Андромахи, которая берет из рук Гектора своего сына.

Если Гомер ничего не говорит о губах, груди и поцелуях Елены и Бризеиды в «Илиаде» и Пенелопы и Калипсо в

«Одиссее», то это потому, что в то время эти органы не имели никакого отношения к эротической любви, а поцелуй был выражением только родительского чувства. Равным образом в Древнем Египте из пяти иероглифических слов для начертания понятия о ласке четыре (Шлецер, Хепет, Хухе, Шерон) представляют собою изображения двух рук и только одно (Хухе), да и то сомнительно, — рта и зубов.

В санскритском языке слово *kusy*, обозначающее «целовать и ласкать», служит корнем для немецкого слова *kuss*, относительно целомудренного смысла которого мы уже раньше говорили.

В древних индийских поэмах («Mahabharatha» — «Ramayana») никогда не упоминается об эротическом поцелуе, а только о материнском, между тем как в индусских поэмах новейшего происхождения находят описание целых двенадцати видов поцелуев.

Это указывает на то, что в древности в Индии и в Греции поцелуя как выражения эротической ласки не знали, как не знают его еще и теперь дикие племена или дети.

Что касается атавизма в любовной мимике, то о нем мы должны заметить следующее: некоторые дикари, как мы уже говорили, приветствуют друг друга при встречах словами: «Понюхайте меня», а читальтонги здороваются, прикладывая нос к щекам друг друга и сильно втягивая в себя воздух (Левин): «поцеловать», *odorari*, означает у них понюхать, т. е. поцеловать носом. (Андре. *Antropologische Parallelen.*)

Новозеландцы покрывают друг друга при встречах покрывалами, затем трут себя взаимно носами, издавая при этом нечто вроде хрюканья и сильно втягивая в себя воздух (Кук — Путешествия его).

Туземцы на острове Санта-Мария при встречах обнюхивают друг друга; поцеловать у них значит стать носом друг к другу, т. е. потереться взаимно носами.

Папуасы, тасманийцы и жители Фути, здороваясь, всегда держат около носа или над головой какой-нибудь приятно пахнущий предмет.

На острове Сокотра при приветствиях целуют друг друга в плечо.

На островах Дружбы при встрече с другом берут его руку и сильно трут себя ею по носу и по рту.

На Королевских островах приветствие заключается в том, что здоровающиеся плотно прикладываются друг к другу носами и затем энергично трут их один о другой.

У бирман приветствие называется *nomtschi*, что, собственно, означает «вдыхание запаха» (*nom* — запах, *tschi* — вдыхание). Китайцы дружески здороваются, касаясь носами друг друга, как в Японии, или же проводя ими по щекам один у другого вроде того, как при встрече наши дамы делают вид, будто они целуются.

Если мы примем во внимание фразу дикарей: «Понюхайте меня» с жестом их, не имеющим, собственно, никакого смысла (ибо в щеках нет ничего такого, что могло бы давать ощущение обонятельному органу), то легко поймем, что поцелуй является остатком, рудиментом того обычного обнюхивания, которому подвергают друг друга при всякой встрече ослы и собаки и которое у них связано с таким сильным возбуждением того или другого чувства.

Из всех наблюдений следует, что у первобытной женщины вторичные половые органы никакого эротического значения не имели; целая любви — если так можно назвать ее тогдашнее грубое чувство — служили, как и у животных, одни лишь первичные половые органы.

В первобытные, дикие времена человек не имел времени любить; он должен был постоянно бороться за свое существование, и любовь его была чисто животная, заключааясь, как и у животных, в удовлетворении одних грубых половых инстинктов. На языке дикарей ореама нет выражений, соответствующих понятиям «милая», «дорогая», «любить», а у древних ценились, как известно, одни только физические качества женщин («Дафнис и Хлоя», «Песнь Песней»).

Цивилизация породила стыд, заставивший прикрывать наготу тела, а забота о чистоте его уничтожила всякий запах его, который в первобытные времена и привле-